

Андрей Добролюбский «Жезл гнева»*

Джованни Боккаччо

«...Настало... столь горькое и жуткое, и недоброе время, что сочли лишним описать горечь сих времен».

Некий армянский писарь из Кафы

«Горечь сих времен». Чумная пандемия, или «Черная смерть», в XIV в. «...появилась на Востоке и унесла бесчисленное число жизней... а затем, беспрестанно двигаясь с места на место и разросшись до размеров умопомрачительных, добралась, наконец, и до Запада», – писал Дж. Боккаччо в 1348 г. в «Декамероне». И «...от этой болезни не помогали и не излечивали ни врачи, ни снадобья... Выздоровливали немногие, большинство умирало на третий день...». Византийские историки и писатели тех времен с грус-

* Продолжение. Начало см.: Добролюбский А. «Я попал в какой-то другой мир» // Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. – № 82, с. 28-42; № 83, с. 32-44. Ibidem. «Будь счастливым!» – № 85, с. 59-73; № 86, с. 36-50. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2020-2021; «Хан Абдаллах, да продлится правление его» // Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. № 89. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2022, с. 34-45.

Никифор Григора

Иоанн IV Кантакузин

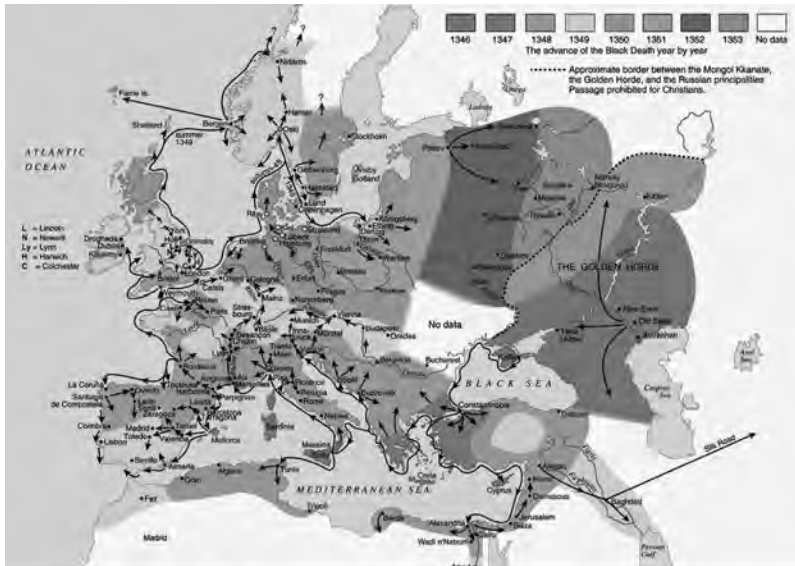
тью свидетельствуют, что она «опустошала как города, так и села, и наши, и все, которые последовательно простираются от Гада до столбов геркулесовых» (историк Никифор Григора), и прошла «вокруг почти по всему свету» (император Иоанн IV Кантакузин).**

При этом создается странное впечатление, что первая чумная пандемия, выкосившая более половины населения Европы, каким-то счастливым и загадочным образом обошла причерноморские степи между Днепром и Дунаем, – какие-либо сведения об этом совершенно отсутствуют. Получается, что первая волна этой пандемии (1346-1349 гг.) вообще никак не затронула пределы обитания Хаджибеевой тьмы.

Между тем полное отсутствие каких-либо известий о чумных и голодных годах может означать и то, что их просто некому было оставлять. Это может объясняться постоянным страхом и чувством обреченности людей, живших в обстановке «повседневного насилия»

с непреходящим, невыносимо скорбным «привкусом бренности» (выражение Марка Блока). Так, в 1348 г. некий армянский писарь, живший в Крыму, писал, что «...колотил весь мир... жезл (вгоняя)

** Руссев Н.Д. Безноса привратница эпох: «Черная смерть» на западе и востоке Европы // Нестор, 2001, <http://www.nestor.md/Russian/Russev.htm>

Пандемія XIV століття

в війну, в голод і плен... і столь велик *гнев**, що ніхто не зможе словом** изречь». Потому що перманентні катастрофи «великих епідемій», наложившись на «повсякденне насильє», надавали середньовічній психології неустійчивість чуттів, «привикших к почти постоянному трауру»***. І, по мнению другого армянского писаря из Кафы, записанного им в 1320 г., «...настало... столь горькое и жуткое, и недоброе время, что сочли лишним описать горечь сих времен».

Вторая волна этой чумы возникла в Золотой Орде примерно около 1363/64 гг., уже после Синеводского сражения.

* Жезл гнева Моего – орудие, посредством которого Бог наказывал Свой провинившийся пред Ним народ (Исаия 10, стих 5).

** Цит. по: Гулевич В.П. Тука-Тимуриди і західні землі улусу Джучі в кінці XIII – XIV ст. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць. – Київ: НАН України, Ін-т історії України, 2013, с. 138-178.

*** Блок Марк. Апологія історії, або Ремесло історика. Додатки. Гл. друга. – Київ: Лаурис, 2018. – 144 с.

Некий армянский писец XIV века

Абу Бакр Мухаммад ар-Рази

Но и о ней в причерноморских степях никакими конкретными сведениями мы не располагаем. Лишь самые общие соображения позволяют думать, что она могла охватить пограничные со степью лесостепные и лесные области, и их уцелевшие жители бежали в степь. Значит, она должна была хоть как-то отразиться и на владениях улусбека Хаджибея, поскольку чумной мор на сопредельных северных территориях был едва ли не повальным. Этот мор и опустошил Смоленск, Киев, Чернигов, Суздаль. В Глухове, согласно летописи, не осталось ни единого выжившего. Все, кто исхитрился уцелеть, бежали на юг, в степь. А бежать нужно было «дальше, дольше, быстрее» – персидский врач Абу Бакр Мухаммад ар-Рази только лишь в бегстве видел единственное спасение. Такие беженцы, несомненно, пополняли Хаджибееву «тьму» – Ябу-городок.

За второй последовали третья (1374 г.) и четвертая (1396 г.) волны чумы. Историки называют «воистину несчастной» всю вторую половину XIV в., когда летописные известия о чумном

море встречаются едва ли не каждые несколько лет. Эти чумные поветрия неизменно сопровождалась ежегодными засухами: Летом 1361 г. в Золотой Орде от засухи погиб урожай: «...и бысть в татарах глад великий». А «...лета (1364 г.) бысть сухмень велика по всей земле и въздух куряшеса и земля горяше», «...У Мамаа тогда (1374 г.) во Орде бысть мор велик». Тогда же «...на Ординских местех, в примории, и прииде на него гнев Божий, мор силен на люди и на скоты».* Не менее губителен был и 1396 год.

Известно, что при засухах земли просто выгорают – почва высыхает сначала с поверхности, потом, из-за неминуемо возникающих трещин, все глубже и глубже, и растущие на ней растения, не имея возможности получить потребной им воды, гибнут. Это порождает летние бескормицы скота. А потом и людей.

Бесконечная череда таких засух, а также частые эпидемии и эпизоотии были вызваны резким изменением климата – сильным похолоданием, которое даже было названо «малым ледниковым периодом» (первая фаза XIV-XV вв.). Оно, в частности, выразилось в крайней неустойчивости погодных условий и в резких перепадах зимних и летних температур, которые порождали гололедицы, или джуты.

При «стальном джуте» (*джут*, монг. – зуд) – после внезапного потепления в холодное время года земля покрывается твердой ледяной «железобетонной» коркой. Не многим легче и «белый джут», когда выпадает много снега, и скот погибает из-за невозможности добыть корм, или же «черный джут» – когда из-за отсутствия снега зимой в безводной местности скот гибнет. При резких перепадах температур оттепели становятся губительными, поскольку наступающие нередко после оттепелей сильные морозы приводят к образованию гололедицы (джута), во время которой скот не может добывать себе пищу и гибнет массами от истощения.**

Непосредственных свидетелей этих ужасов в причерноморских степях от Днепра до Дуная, которыми во времена Мама

* Цит. по: Руссев Н.Д. Безноса прывратница...

** Добролюбовский А., Смирнов І. До питання локалізації Ябу-городка. – Старожитності Лукомор'я, № 4, 2022, с. 7-28.

владели эмиры Хаджибей и Дмитрий, не имеется. Лишь скудные археологические остатки, сохранившиеся в виде спорадических, но едва ли не повсеместных находок красно-желто-ленточной «керамики бедности»,^{***} указывают на «не слишком завидное положение» (выражение Ф.К. Бруна) обитателей Ябу-городка. Они, после поражения их сюзеренов под Синими Водами лишившись летних пастбищ в лесостепях, были обречены на самое жалкое существование – на истощенной территории, изнуренные голодом и чумой, вынуждены были бродить вдоль морского побережья. И тогда в голодном отчаянии ордынцы стали продавать своих соплеменников в рабство латинянам. «Во время голода и засухи они («татары». – А. Д.) продают своих сыновей, – пишет ал-Омари. – При избытке ж они охотно продают своих дочерей, но не сыновей, детей же мужского пола они продают не иначе как в крайности».^{****}

На Дунае торговля велась по большей части через итальянские фактории Вичину и Килию, а между Днепром и Днестром – через приморские поселки латинян Лериче-Иличе, Флорделис, Джинестру. В 1350-60-е гг. историки отмечают наивысший расцвет генуэзской торговли – расширяются новые колонии в тех же Вичине, Килие и Белгороде в устье Днестра, появляются новые – в Ликостоме и иных пунктах дельты Дуная и черноморского побережья.^{*****} Спрос на рабов особо возрастал после вспышек чумных эпидемий,^{*****} вызывавших упомянутые ал-Омари «крайности». В них погибали родители многих невольников – ведь им после смерти можно было уже не платить. Эти рабы, особенно те, что продавались «в крайности», становились исключительно ликвидным товаром.

*** Добролюбовский А. «Хан Абдаллах, да продлится правление его». – Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. № 89. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2022, с. 34-45.

**** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В. Тизенгаузена. Т. 1. – СПб, 1884, с. 219, 241.

***** Господаренко О. Про генуэзьку присутність на території Миколаївської області: історикогеографічні й археологічні зауваження. – Емінак: науковий щоквартальник. № 3 (11) (липень-вересень), 2015, с. 54-59.

***** Хайдаров ТФ, Долбин ДА. Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и ее последствия. – Золотоордынское обозрение, № 4 (6), 2014, с. 96-112.

В документах из архива нотариуса Антонио да Понцо порой улавливаются имена эмиров Хаджибея и Темира-Дмитрия, и их «татар», торговавших в 1360-1361 гг. рабами в дунайской Килии. Названы татары Тобок (Thoboch), Темир (Themir) и Даок (Daoch). В Темире историки видят эмира Дмитрия. Они упомянуты как члены определенных подразделений десятков, сотен и тысяч, во главе которых стояли тысячники (miliarii) Ходжа (Coia), Кочубей (Conachobei) и Менглибуга (Megliabucha). Другие лица – Арук (Aruch), Ойа/Оджа (Oia) и Бекангур (Bechangur) названы посланниками «тысячника Ходжи» (miliarius Coia).*

О расцвете торговли во всех причерноморских поселках итальянцев в 1360-е гг. также свидетельствуют находки «керамики достатка и роскоши» – фрагменты импортной посуды «византийского круга», крымской, люстровой, селадоновой.** Черноморская работоторговля была настолько выгодной, что в Генуе даже возникло особое ведомство, стремившееся ее монополизировать. Огромное число рабов состояло из «татар» Северо-Западного Причерноморья. Причем в руках «татар» именно их соплеменники чаще всего и становились живым товаром, в то время как основными покупателями рабов были итальянцы – по ряду документальных данных, в 70-е гг. XIV в. доля «татар» среди невольников Генуи, Флоренции, Венеции могла превышать 80%. В Генуе они оставались основной категорией рабов и в первой четверти XV в.*** Относились к ним, разумеется, сугубо потребительски – в описях они находились среди других товаров. К примеру, беременная женщина считалась больной и стоила меньше, чем «здоровая», потому что ребенок рассматривался как фактор, снижающий ее работоспособность.

К концу XIV в. в городах Тосканы не было зажиточного хозяйства без хотя бы одного раба. Они использовались и в широком престижном обиходе – становились приданым для невест, гонорарами за услуги и дорогими подарками. При перевозке на далекие расстояния невольников, как и любой другой товар, страховали.

* Узелац А. Татары в Дунайско-Днестровском междуречье во второй половине XIV в. – Золотоордынское обозрение, № 7 (3), 2019, с. 419-420.

** Добролюбский А., Смирнов І. До питання локалізації... С. 8-9.

*** Руссев Н.Д. Безноса прывратница...

Франческо Петрарка

В 1360-е гг. интенсивность черноморского потока «живого товара» оказалась так велика, что венецианское правительство запретило судовладельцам перевозить из Таны в Венецию или любое другое место более трех рабов на одного члена экипажа. Этот запрет, как и вообще всякий запрет, нарушался: известен случай, когда одно судно оказалось загруженным 200 рабами.

Непосредственным указанием на интенсивность ордынско-итальянской торговли рабами на черноморском побережье близ устьев Хаджебейского и Куяльницкого лиманов (устья Днестра по тогдашним навигационным представлениям) являются находки монет хана Абдуллаха близ нынешнего поселка Котовского и на Приморском бульваре в Одессе. Эти монеты датируют «...бедствие... в Скифии**** недавнее...» 1367 годом,***** о котором в том же году, пребывая в Венеции, написал Франческо Петрарка своему другу Гвидо Сетте, архиепископу Генуи. «Оттуда... – пишет поэт, – ...ежегодно в этот город (Венецию. – А. Д.) ...прибывают суда, отягченные грузом, который, побуждаемые нуждой, продают родственники. И вот уже непривычного вида и неисчислимое скопище немощных людей обоего пола этот прекрасный город скифским обличием и безобразным сбродом – как чистейший источник мутным потоком – поражает. И если бы этот запруживающий тесные улочки люд не был бы милее тем, кто их покупает, нежели мне, и не привлекал их взоры более, нежели привлекают мои, и не гадок, и не омрачал прохожих дурного вида скоплением, то во всей Скифии вместе с изнурительным и бледным голодом в каменистом поле, куда поместил его Назон, редкую

**** Скифией, по античной традиции, европейцы в эпоху Возрождения именовали причерноморские степи.

***** Добролюбский А. «Хан Абдаллах, да продлится правление его»...

Овидий

траву зубами и ногтями щипал бы и поныне».*

В последних строчках Петрарка отсылает своего читателя к авторитету Публия Овидия Назона, который за тринадцать с половиной столетий до Петрарки и Хаджибея оказался, пожалуй, единственным и самым прямым свидетелем джутов и засух в той самой местности, которую занимала при хане Абдуллахе Хаджибеева орда. Воспользуемся здесь его авторитетом.

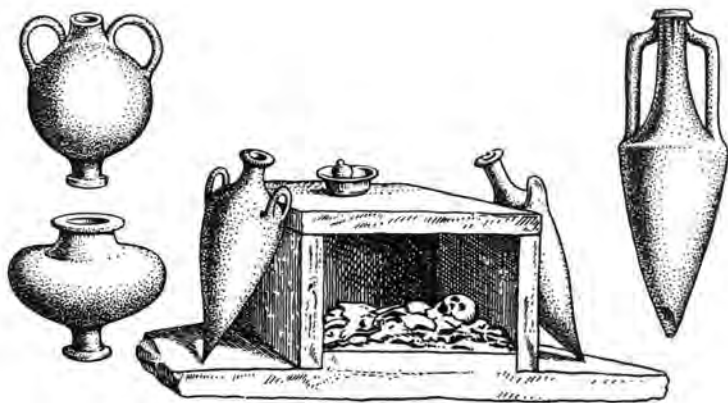
Свидетель ощущений. Известно, что в 8 году н. э. римский император Август по не вполне ясной причине (имеется несколько версий) сослал Овидия на окраину Скифии, где в 17 году (по другим сведениям – в 18 году) тот и скончался. Впрочем, не слишком ясно, где именно он находился все эти годы.

С одной стороны, пребывание в этих местах ссыльного поэта ныне топонимически маркирует город Овидиополь на левом берегу Днестровского лимана. Этот лиман в XVI в. историк Станислав Сарницкий именовал то *Ovidii lacus*, то *Vidovo ieziero*,** которое... находится между Гипанисом (Ю. Буг) и Тирасом (Днестр), но ближе к устью Тираса. Значит, «озером Овидия» могли быть также Сухой, Хаджибейский или же Куяльницкий лиманы. При этом «русские сообщают, что озеро Овидия было с тех пор, как [Овидий] жил в изгнании»***

* Цит. по: Крамаровский М.Г. Петрарка о бедах Скифии (Золотой Орды) в 1360-х гг. // История и современность. № 2, сентябрь, 2007, с. 122-144.

** Ф.К. Брун полагал, что Днестровский лиман получил свое название в память Витовта.

*** Белецкая О.В. Маяк в XIV-XVI вв. Материалы к изучению исторической географии Подолии и Северного Причерноморья. – Золотоордынская цивилизация, № 9, 2016, с. 186-196.

Гробница Овидия

С другой стороны, еще в конце XV в. в книге «De magnificenta», изданной в Венеции в 1498 году, некий Джованни Понтано привел сообщение некоего Георгия Трапезундского (1396-1484 гг.), что Овидия похоронили в городе Томы на кладбище у городских ворот. А Томы находятся на месте современной Констанцы, к югу от устьев Дуная.

Но в те времена это мало кого волновало. Ссылка Овидия куда-то на северо-восток Римской империи (где находились Томы, после гибели города уже никто не помнил) воспринималась людьми, читавшими древних авторов, чуть ли не как едва ли не самый яркий эпизод в ранней истории их страны. Поэтому сведения о жизни Овидия среди варваров включались в сочинения польских хронистов Марцина Вельского (1564 г.) и его сына Иоахима (1597 г.), Мацея Стрыйковского (1582 г.) и в молдавскую летопись Мирона Костина (1684 г.). В 1586-1590 годах поэт Петр Видавский написал стихи о жизни Овидия среди поляков.

Поскольку многие поэты, писатели и историки XIV-XIX вв., начиная с Петрарки, были убеждены, что именно «Скифия» связана с именем Овидия, то он оказался необычайно престижен на многие столетия. Так, в 1795 г. первый строитель Одессы

Франц де Волян при строительстве крепости на месте турецкого поселка Хаджидер наткнулся на древнюю могилу в каменном ящике. Она была немедленно им принята за могилу Овидия, а позднее Хаджидер был назван Овидиополем.*

Ныне пребывание Овидия в Томах мало кто оспаривает. Но оно не доказано, поскольку его могила там (пока?) не найдена. К тому же, вряд ли поэт находился в Томах безвыездно все годы своей ссылки, в которой он томился в ощущении непреходящей скорбной обреченности и все того же «привкуса бренности». В своих «Скорбных элегиях» (кн. III.10.10) он извещает читателя, что попал в «варварский край, у границ необъятного мира лежащий». Здесь «лишь унылой зимы голова заскорузлая встанет, / Землю едва убелит мрамором зимним мороз, / Освободится Борей, и снег соберется под Арктом – / Время ненастья и бурь тягостно землю гнетет. / Снега навалит, и он ни в дождь, ни на солнце не тает – / Оледенев на ветру, вечным становится снег. / Первый растаять еще не успел – а новый уж выпал, / Часто во многих местах с прошлого года лежит». Это – описание типичного «стального джута». И «мало людям тепла от широких штанин и овчины: / Тела у них не видать, лица наружу одни. / Часто ледышки висят в волосах и звенят при движенье, / И от мороза блестит, белая вся, борода. / Сами собою стоят, сохраняя объемы кувшинов, / Вина: и пить их дают не по глотку, а куском» (стихи 19-20, 45). «Как посмотрю я вокруг – унылая местность, навряд ли / В мире найдется еще столь же безрадостный край. / А на людей погляжу – людьми назовешь их едва ли. / Злобны все как один, зверствуют хуже волков. / Им не страшен закон, справедливость попало насилье, / И правосудье легло молча под воинский меч».

И в «Метаморфозах» Овидий пишет, что «некое место лежит окраине Скифии льдистой; / Край безотрадный, земля, где нет ни плодов, ни деревьев; / Холод коснеющий там обитает и Немочь, и Ужас. / Тоший там Голод живет...» (кн. VIII, стихи 788-791).

Такой голод, порождаемый ледяными джутами, сменяется жестокими засухами. Они одушевлены Овидием в образе богини голода, или «Глада Богини», которая в поисках пропитания, «ногтем и зубом трудясь», обречена лишь рвать «скудные травы...»

* Добролюбский А.О. Археология Одессы. – Одесса: Optimum, 2012, с. 38-41.

на покрытом камнями поле». Выглядит эта богиня соответствующе – «...волос взъерошен, глаза провалились, лицо без кровинки, / Белы от жажды уста, изъедены порчею зубы, / Высохла кожа, под ней разглядеть всю внутренность можно. / Кости у ней, истончася, выступали из лядвей скривленных. / Был у нее не живот, а лишь место его, и отвисли / Груды, – казалось, они к спинному хребту прикреплялись. / От худобы у нее вылезали суставы узлами, / Чашек коленных и пят желваки безобразно торчали». И «...на покрытом камнями поле, / Ногтем и зубом трудясь, рвала она скудные травы» (стихи 797-808).

«Неисчислимое скопище немощных людей...» В похожих обстоятельствах и обстановке люди ведут себя подобным образом. Если Петрарка видел «неисчислимое скопище немощных людей обоего пола» на улицах Венеции, то Овидий описывает их чувства и состояние на их родине, в «Скифии», где во второй половине XIV – первой половине XV вв. такая обстановка была самой обычной, повседневной и непреходящей. С постоянным «привкусом бренности».

Чтобы конкретнее представить общую картину, отображавшую этот «привкус», приведем здесь череду пандемий, наблюдавшихся историками: это 1360, 1363-1366, 1374, 1388-1390, 1402-1404, 1406-1409, 1414, 1417, 1419-1420, 1423-1427, 1428-1430 годы. Она производит сильное впечатление. Еще более его усиливает вереница джутов и засух, проходивших на фоне этих пандемий едва ли не ежегодно – это 1361, 1362, 1363, 1364, 1365, 1366, 1367, 1368, 1371 и другие годы. А также эпидемии и эпизоотии, которые отмечены для 1360, 1364, 1365, 1367 гг. Среди перечисленных голодных лет более всего выделяются два, знаковые для нашего сюжета, – 1362 г. (Синеvodское сражение) и 1367 г. – даты монет Абдуллаха в Одессе, которые оказались единовременными с письмом Петрарки.**

Ясно, что в подобных условиях некогда благополучная ставка эмира Хаджибея деградировала до самого заурядного стойбища. Видимо, бесконечная вереница голодных лет довела самого Хаджибея, а вслед за ним его неведомых преемников, в том числе и единственного нам известного «князя» Жамбо до «незавидного

** Крамаровский М.Г. Указ.соч., с. 128-131.

положения» (выражение Ф.К. Бруна), в котором его застал рыцарь Гильбер де Ланнуа в 1421 г. Жители его стойбища «не имели домов, – пишет он, – и они – жили на голой земле». Хотя сам князь, судя по всему, сохранял высокий статус, как собственный, так и своей ставки. И сумел достойно принять своего сановного гостя. «...Сказанный князь по имени Жамбо, – продолжает де Ланнуа, – дал мне много осетров... и хорошо кормил..», а «...потом его татары по его повелению переправили меня с моими людьми и повозками чудесным образом через реку, которая имела милю в ширину, на маленьких челноках из одного куска дерева».* Эта переправа от реки Аджигол до Кинбурнской косы активно использовалась со времен хана Абдуллаха.** Здесь же, восточнее Аджигола, в непосредственном соседстве со стойбищем князя Жамбо-Ямбо находился генуэзский замок Лериче-Илличе.

Перевоз, проведенный столь «чудесным образом», ясно указывает, что он был исполнен профессионалами. А таковыми среди «татар» могли быть лишь аланы-бродники. И это означает, что именно они в 1420-е гг. составляли немалое число жителей тогдашнего Ябу-городка. В большинстве своем они были христианами,** что подтверждается и археологическими наблюдениями. Уже к XIII-XIV вв., по данным погребальной обрядности, аланы-бродники становятся фактически едва ли не идентичными тюркскому населению причерноморских степей.****

Контроль над этим перевозом имел, несомненно, немалое торговое и военное значение и приносил соответствующий доход.

* Брун Ф.К. Путешествия и посольства господина Гильбера де Ланнуа, кавалера Золотого руна, владельца Санта, Виллерваля, Троншиена, Бомона, Вагени в 1399-1450 гг. // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1853, т. III, с. 442-461.

** Добролюбський А. Загадковий «...Kaczakeyow Mayak Karawull...» // Схід та Україна. Матеріали міжнародної наукової конференції «Схід та Україна: наукова конференція, присвячена пам'яті Ярослава Дашкевича», яка відбулася 17-18 жовтня 2022 р. / Упорядник – д. і. н. Я.В. Пилипчук. – Київ: Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова, 2022 (укр., пол., азерб., тур., узб., англ. мовами), с. 95-100.

*** Бубенок О.Б. Поширення християнства серед аланів Північного Причорномор'я // Східний світ, № 1, 2000, с. 15-35.

**** Добролюбський А., Смирнов І. Пам'ятник невідомому алану поблизу озера Катлабух. – Eminak, № 1 (33), 2021, с. 305-314.

По всей видимости, Ябу-городок им пользовался и вовсе его не утрачивал вплоть до начала XVI в. Значит, в XV в. положение Ябу-городка было не всегда таким уж «незавидным». Он регулярно перемещался по «пути из-за Днестра морским берегом в Крым», или по «другой дороге из-за Днестра в Очаков: судя по изгибу, это известный Валашский шлях, по которому ходили в Украину буджакские татары».

А в дальнейшем, после визита рыцаря де Ланнуа к князю Жамбо-Ямбо в 1421 г., Ябу-городок обозначается в документах как Качибей в разных местах ареала его обитания и в сходных написаниях (*Caczubyeow, Caczyebyeow, Kaczubej castra, Caczibieiw, Kaczakenow, Kaczuklenow, Kaczakeyow, Kazubinyow, Koczubinyow, Kaczubyeiow* и пр.). Поэтому специалисты считают, что «говорить о Качибее как о населенном пункте в это время следует с большой осторожностью».**** В середине и второй половине XV ст. этот «Качибей», скорее всего, не являлся ни городом, ни местечком, поселком в пределах Подольской земли.***** А был он лишь обычным стойбищем, перемещавшимся в чудовищных условиях голода и чумы вдоль морского побережья. И едва ли не важнейшими источниками его существования были контроль над переправами, работорговля и добыча соли. А к началу XVI в. это стойбище снова отмечено как Ябу-городок на карте морейца Ильяса (1495-1506 гг.) и в ярлыке хана Менгли-Гирея (1507 г.). Тогда городок снова перебрался от Очакова к нынешней Одессе. В том же столетии на картах этой же местности появляется замок с названием *Odefjus*, или *Ordefjus*. Но это уже другая история.

**** Петрунь Ф.Е. Качибей на старинных картах / Федор Евстафьевич Петрунь. – [Одесса, 1928], с. 191-198. Окр. відб.: «Записки общества естествоиспытателей», 1928, т. 44.

***** Білецька О. В. Качибей у світлі джерел XV-XVI століть (матеріали до вивчення історичної географії Поділля та Північного Причорномор'я) // «Записки історичного факультету» 26 випуск 2015: наукове видання / Колектив авторів – Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2015, с. 233-258.